

Маниковская М. А.
M. A. Manikovskaya

ОПРАВДАНИЕ ЭТИКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

ETHICS JUSTIFICATION AT A HIGHER SCHOOL

Маниковская Мария Алексеевна – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные дисциплины» педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; тел.: 89242201415. E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com.

Ms. Maria A. Manikovskaya – Doctor of Philosophy, Professor, Philosophy and Social and-Humanitarian Sciences department, Pedagogical institute of the Pacific National University (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk, Karl Marks str.; tel.: +79242201415. E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com.

Аннотация. Автор актуализирует необходимость этики в вузе не только как учебной дисциплины, но и как экзистенциального условия рефлексивного выбора и сверки нравственных ориентиров, обоснования позиции нравственного самоосуществления.

Summary. The author underlines the importance of Ethics and its necessity not only as an academic subject, but also as an existential condition of reflexive choice, verification of moral bearings, and justification of moral self-fulfillment position.

Ключевые слова: этика, мораль, нравственность, моральный конфликт, рефлексивный выбор, нравственные ориентиры.

Key words: ethics, morals, morality, ethical conflict, reflexive choice, moral bearings.

УДК 17.0

Явное заимствование в названии предлагаемой статьи, провоцирующее вспомнить «Оправдание добра» Вл. Соловьева, неслучайно. Оно имеет намерение акцентировать значимость этики, превосходящую границы учебной дисциплины, актуализировать ее экзистенциально-антропологический потенциал, просветляющий глубинный смысл Университета. «Духовная мощь» (Ортега-и-Гассет) университета фундирована не только интеллектуальной силой, обеспечивающей подготовку высококлассных специалистов, но и «нравственным капиталом», который вместе с эстетическим оберегает от «профессионального кретинизма», исключает ущербность и деформацию, обуславливает полноту бытия человека. Полагаем, что тематизация необходимости этики не только как учебной дисциплины, но и как образа жизни в университете соизмерима с масштабом и ценной индивидуально-личностных и социальных проблем, находящихся в сфере компетентности и ответственности нравственной философии. Вместе с тем *оправдание этики* в вузе должно быть не только заботой убежденных энтузиастов – преподавателей философии, но и предметом «солидарной ответственности» (К.-О. Апель) всего университетского сообщества. Основанием данного «категорического императива» является переживаемый в настоящее время университетский кризис и вся убедительная логика мировой нравственной философии, в том числе и Вл. Соловьева, поставившего этику в своем фундаментальном труде «Оправдание добра» во главу угла всей философии. Однако приходится констатировать, что убеждение, ставшее итогом всей духовно-творческой жизни русского мыслителя, на его родине предано забвению. Если сегодня в зарубежной философии проблемы морали и нравственности разрабатываются авторитетнейшими философами и учеными (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, П. Рикер, А. Макинтаир, В. Лефевр и др.), об этом свидетельствует и Всемирный философский конгресс, состоявшийся в Сеуле летом 2008 года, то, как справедливо заметил В. А. Канке, «для нашей, российской действительности характерно какое-то особое невнимательное, отстраненное отношение к этике, которую нередко считают прерогативой разве что учителей и священников, но никак не сильных мужчин» [2, 220]. Выведение этой учебной дисциплины (за небольшим исключением) из государственных стандартов высшего

образования последнего десятилетия, в том числе и с педагогическим профилем, свидетельствует о том, что и для учителей этика – избыточное дело.

Особенно парадоксальным данное обстоятельство представляется в настоящее время, когда в школьное образование включен комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Известно, что его структурирование в обязательную образовательную программу сопровождалось немалыми трудностями, в том числе и дефицитом (и даже отсутствием) учителей по интересующему нас модулю «Основы светской этики». Следует заметить, что сфера ответственности за реализацию введенного курса распространяется и на родителей, поскольку они осуществляют выбор одного из шести модулей ОРКСЭ.

Чем же обусловлена данная ситуация? Можно предположить, по крайней мере, три обстоятельства, аннигилирующих этический дискурс: во-первых, отсутствие моральных и нравственных проблем как в обществе, так и в университетском сообществе; во-вторых, «опасность» их обсуждения, поскольку они не оставляют ниши для власть придержащих; в-третьих, непонимание онтологических оснований этики, ее глубинного экзистенциально-антропологического смысла.

Несостоятельность первого предположения очевидна. Не нужно обладать особой прозорливостью, чтобы увидеть приметы нравственного кризиса, переживаемого современным обществом, и в его составе – студенчеством. По замечанию Гегеля, падение духа измеряется тем, чем он удовлетворяется. Изумляет широкий диапазон средств, способов удовлетворения падения духа. Существует немало леденящих душу фактов нравственного одичания и моральной деградации тех, кого уже трудно назвать людьми. Однако принципиально важным является не столько определение меры падения духа, нравственности, сколько уяснение общественным сознанием идущей от Сократа и Платона идеи понимания человека (личности) как этического существа. Именно этим мыслителям принадлежит философское открытие человеческой духовности как такого начала бытия человека, которое противостоит телесно-природному в человеке и выступает основанием человеческого стремления к самосовершенствованию [6]. С. Е. Ячин полагает, что глубинная и «основополагающая для всей европейской философии идея этики личности осталась неразвернутой как у нас, так и на Западе, хотя и по разным причинам» [5, 131]. Предложенная философом версия содержательного развертывания этой идеи исходит в вопрошании о человеке (антропологии) из различения личностного и индивидуального бытия, которое осталось совершенно невнятным в западноевропейской традиции. «Проблема же вся в «начале» и в приоритете. Является ли человек этическим в силу того, что он существо разумное; или наоборот, человек разумен лишь потому и настолько, что он существо этическое?» [6, 167]. Убедительная логика и аргументация философской аналитики С. Е. Ячина показывает, что в отличие от западноевропейской мысли русская философия (причем во всех ее значимых течениях) однозначно стояла на приоритете этики.

Курс вузовской философии, хотя и минимальный, все-таки дает возможность для размышлений о человеке как этическом существе. Но где хронотоп дискурса должного и сущего, где место и время для вопрошания о совести, стыде, ответственности, сострадании, милосердии, чести, достоинстве, любви, счастье – тех вопросов, что традиционно считались прерогативой этики? Речь совсем не идет о том, чтобы поставить в прямую зависимость уровень нравственного развития от преподавания этики или ждать от нее социально-дисциплинирующего эффекта. По мысли Вл. Соловьева, «этика есть гигиена, а не терапия духовной жизни» [4, 151]. Как бы ни критиковали сегодня просветительские проекты, нельзя отрицать непреходящего значения идущей от Сократа традиции просвещения, этического рационализма. Он указал на сущностную связь нравственности и знания. По убеждению греческого философа, рациональное этическое знание является основой добродетельного поведения, в то время как безнравственный поступок – плод незнания истины. Отсюда философия как любовь к мудрости, как путь к знанию становится средством добродетельного воспитания, нравственного совершенствования. Если «крошка сын к отцу пришел...», то к кому придет молодой человек, студент за знанием, «что такое хорошо и что такое плохо?» Преподавательский опыт свидетельствует, что он жаждет этической истины, ибо в настоящее время размываются границы между тем, что «хорошо» и тем, что «плохо», а порой они меняются местами. Как заметил А. А. Гусейнов: «Сегодня экзотической фигурой является не тот, кто отрицает

моральные критерии, а тот, кто признает их абсолютность» [1, 245]. Такая ситуация морального конфликта чревата «экзистенциальным вакуумом» (В. Франкл), то есть утратой смысла добродетельного поведения, добросовестного отношения к учебе, бескорыстного общения и даже смысла жизни.

Необходимо отчетливо осознавать, что радикальность перемен, происходящих в обществе, детерминирует не только изменение, усиление проблемности социокультурного контекста морали, но и само ее понимание, обуславливает релятивность культурно-нравственных традиций и тех оснований, которые прежде воспринимались как безусловные «моральные устои». Студенты, да и преподаватели оказались в ситуации, когда приходится соотносить моральный опыт, сформировавшиеся прежде нравственные убеждения, моральные интуиции с изменившимися обстоятельствами. Не будет преувеличением характеризовать данную ситуацию как драматическую, когда студенту не под силу «снять» этически релевантные противоречия между тем, что есть сейчас, и тем, что должно быть. Носители моральных интуиций нуждаются в способах их рациональной сверки, подтверждении или отрицании, коррекции.

Существует немало социально значимых проблем (порнография, проституция, полигамия), индивидуальных разрушительных практик (наркомания, азартные игры), при обсуждении которых нормативно-этическая составляющая преобладает. Эти проблемы свидетельствуют о необходимости моральной категоризации социальных явлений [3].

Процесс образования в современных рыночных условиях, относительно новых для нынешнего поколения, оказывается включенным в сферу потребительских услуг, что породило не только проблемы экономического, материального характера, но и спровоцировало релятивизацию его нормативно-этического измерения. Немало студентов мечтают в следующем противоречии: необходимости зарабатывать средства на образование и одновременно его получать. Эта контрверза нередко «толкает» на неблагоприятные поступки, уверенность, что можно «купить» оценки, курсовые работы, диплом.

Опыт проведения лекций, семинаров, коллоквиумов по дисциплинам «Этика», «Нравственная культура личности» свидетельствует о том, что эти занятия, как правило, становятся и хронотопом острой полемики, нелепецприятных споров, напряженных дискуссий и хронотопом поиска «условий абсолютного добра». Как известно, знание – сила. Оказывается, что студенты нуждаются в этических знаниях как силе, которая укрепляет их нравственно в сознании своей правоты, дает верные ориентиры на жизненном пути, становится поддержкой в сложных перипетиях, союзницей в нравственном совершенствовании. Это обстоятельство мотивирует и убеждает образовательное сообщество в необходимости переосмысления содержания и роли этического образования, включения его в контекст (программу) профессиональной специализации в качестве одного из средств профессиональной подготовки. Высшее образование помимо профессиональной подготовки должно аутентично пропагандировать фундаментальные нравственные ценности, высветлять их смысл и плодотворную значимость как в профессиональной деятельности, так и в гармонизации жизни.

По-видимому, чтобы быть не потомками, а наследниками «духовной мощи» (Ортега-и-Гассет) классического Университета, необходимо отчетливо осознавать его высокую миссию в формировании личности, ответственной за свое самоосуществление, и ответственности за наведение порядка в жизни согласно осуществлению Добра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов, А. А. Мораль и разум / А. А. Гусейнов // Разум и экзистенция. – СПб.: РХГИ, 1999.
2. Канке, В. А. Философия. Исторический и систематический курс / В. А. Канке. – М.: «Логос», 1996. – С. 220.
3. Прокофьев, А. В. Концептуализация понятия «общественная мораль»: некоторые проблемы и трудности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/soc_eth/prokofiev.html/
4. Соловьев, Вл. Оправдание добра. В 2 т. Т. 1 / Вл. Соловьев. – 2-е изд. – М.: Мысль, 1990.
5. Ячин, С. Е. Идея этики личности в русской философии и в метакультурной перспективе / С. Е. Ячин // Вестник Дальневосточного государственного технического университета. – 2009. – № 1(1).
6. Ячин, С. Е. Состояние метакультуры / С. Е. Ячин. – Владивосток: Дальнаука, 2010.